

Рис. Бор. ЕФИМОВА

В Париже демонстранты повесили на фонарном столбе чучело Риджуэя.

Один из столпов американской реакции на одном из столбов Парижа.

КРОКОДИЛ

№ 17 (1307) МОСКВА 20 ИЮНЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к

ПРАЗДНИК НЕ УДАЛСЯ

В БОННЕ готовились к торжеству. День подписания «общего договора», по мысли г-на Аденауэра, должен был стать выдающимся историческим событием для всех немцев. Поэтому правительство объявило этот день национальным праздником. Жителям приказали украсить свои дома национальными флагами, а детям разрешили не ходить в школу.

Среди прочих предпраздничных мероприятий во всех западногерманских городах были значительно усилены наряды полиции. В самой столице «боннской республики» силу охраны порядка предусмотрительно укрепили многими сотнями полицейских дубинок. Ввиду же исключительности случая повседневная полицейская техника была пополнена танками, пулемётами и даже брандспойтами.

Таким образом, правительство проявило максимальную заботу о том, чтобы население праздновало и веселилось вполне непринуждённо.

26 мая в назначенный час к зданию бундестага подъехали машины министров иностранных дел США, Англии и Франции, а также кабриолет боннского канцлера Аденауэра. Затем представители четырёх договаривающихся сторон чинно совершили акт приложения руки и произнесли перед микрофоном отрепетированные речи. Церемония происходила без заминок, всё выглядело солидно.

Однако за пределы зала заседаний федерального совета торжественная приподнятость не распространилась. Вне стен правительственных апартаментов всё оставалось попрежнему суровым и враждебным. Правительства федеральных земель, реалистически оценив положение, отказались считать день подписания «общего договора» праздничным. Вместо национальных знамён всюду в Западной Германии чернели траурные флаги. Сдерживать напор «ликующих» толп не пришлось. Даже брандспойты для охлаждения пыла восторженных энтузиастов «общего договора» не пролили ни капли воды. Никто не ликовал и не кричал «ура». По всему было видно, что праздник не удался.

Это обстоятельство, несомненно, отразилось на настроении г-на Аденауэра. Когда все треволнения были позади, он, надо полагать, наедине с самим собою пытался объяснить причину равнодушия и холодности сограждан.

— Чего им ещё надо? — вопрошал канцлер. — Требовали суверенного германского правительства — пожалуйте! В первых строках «общего договора» записано, что моё правительство получает полный суверенитет в вопросах внутренней и внешней политики. И какие несущественные оговорки! Западные державы оставляют за собой лишь кое-какие права, — например, объявлять «чрезвычайное положение». Но ведь это только «в случае угрозы нарушения порядка».

Или, скажем, оккупационный статут. Протестовали, требовали отмены — извольте! — никакого оккупационного статута и оккупации отныне не будет. В Западной Германии остаётся только небольшая полумиллионная армия иностранцев. И содержание её обойдётся нам в десять миллиардов марок в год. Дешёвка! Тем-более, что это уже не оккупанты, а доблестные защитники порядка, двоюродные союзники по Северо-атлантическому пакту.

Недовольны! — продолжал размышлять Аденауэр. — Им не нравятся оговорки! А того не замечают, что в «общем договоре» есть и такие статьи, которые без оговорок. Вот, например, в пункте о милитаризации. Никаких ограничений! Каждый немец может служить теперь под началом многоопытных генералов незабвенного фюрера. Под верховным командованием самого генерала Риджуэя! Причём это относится не только к любителям казарменной романтики, но и ко всем юным согражданам. «Общий договор» прямо обязывает их вступать под знамёна «европейской армии».

А пункт о возрождении военно-промышленного потенциала? Это же образец щедрости и великодушия! Танки, пушки, самолёты — всё это нам, немцам, теперь разрешено выпускать в неограниченном количестве для оснащения всей Западной Европы. Какая честь немецкому оружию!

Майн готт! Сколько великолепных свидетельств христианской любви к ближнему и заботы о немцах можно найти на каждой из четырёхсот страниц «общего договора»!

Почему же они недовольны? — снова и снова спрашивает себя растерянный канцлер...

«Предательский «общий договор» — это война!», «Долой реваншиста Аденауэра!» — отвечает немецкий народ.

В. БОЕВ

ДЯДЯ САМ РИСУЕТ САМ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Эти рисунки принадлежат кисти американского живописца Джона Мартина. Пресса усиленно, хотя и без особого успеха, рекламирует зловредное творчество одряхлевшего художника. И как!

«Наш застенчивый Мартин, которому пошёл восемьдесят второй год, является главой американских художников, — умиляется журнал «Тайм».— Основная тема его произведений — природа, пейзажи любимого им штата Мэн. В его мастерстве — импрессионизм, кубизм и другие направления в живописи».

Журнал, понятно, умалчивает о том, что главное в творчестве Мартина — попытка увести американца от жизни, от понимания жизни, одурить и одурачить. А ведь это именно то, что и требует правительство от «свободных художников» Америки!

Институт Мунсона — Уильямса — Проктора (штат Нью-Йорк) организовал недавно выставку картин Мартина. Это были сплошь шедевры! Недаром посетители не смогли самостоятельно уяснить себе содержания всех этих размалёванных полотен. Бессильны были даже поклонники таланта «застенчивого Джона». Пришлось потревожить самого виновника торжества.

Остановившись перед двумя своими творениями образца 1921 и 1951 годов, престарелый живописец без тени смущения заявил:

— Мне кажется, что эти картины имеют свой стиль. Здесь черты свободы, свободы движения в любом направлении...

Рассказывают, что оваций не последовало. Протестов — тоже. Картины действительно можно было свободно двигать в любом направлении. И даже перевёртывать вверх ногами. Они от этого не выигрывали и не проигрывали.

(Снимок из «Америкэн мэгэзин»)

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

У СТЕН КАПИТОЛИЯ

На страже концернов и монополий
Каменной глыбой стоит Капитолий.

Белеют колонны, пилоны портала,
Купол поднялся почти до небес...
Стоит Капитолий — оплот Капитала,
Здание, где заседает Конгресс.

Сюда Уолл-стрит посылает задания
Обманом разбой и насилье прикрыть.
Сюда, в это круглое белое здание,
Ведёт преступлений кровавая нить.

Отсюда, из этих твердынь лицемерия,
Ползут за кордоны и рубежи
Военный психоз, и чумные бактерии,
И мутный поток беззастенчивой лжи.

Здесь, под надёжной охраной полиции,
За колоннадой, в уюте, в тиши,
Алчные, жирные, багроволицые
Ткут паутину интриг
торгаши.

Здесь, заслоняя собой небосклон,
Высится крепость коварства и злобы.
А рядом: с одной стороны — полигон,
С другой стороны — трущобы.

С одной стороны — оболваненный сброд,
Будущих вдов мужья.
С другой стороны — обнищавший народ,
Конгрессом лишённый жилья.

У Капитолия с одной стороны —
Манёвры убийц растленных,
Которые здесь научиться должны
Расстреливать военнопленных.

С другой стороны, среди мусорных груд,
На фоне того же здания
Люди, лишённые права на труд,
Распухшие от голодания.

На двух фотографиях ясно видны
Кровавой политики две стороны!

(Снимок из «Арми оферисера гайд»)

ВСЕГДА С НАРОДОМ

(К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ГАРИБАЛЬДИ)

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Долой, уходи из Италии нашей,
Ступай, чужестранец, откуда пришёл!

(Гимн гарибальдийцев)

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Определённое направление американского искусства.

Бум или кризис?

АМЕРИКАНСКАЯ печать полиняла. Испуг смыл улыбку «процветания» с её страниц. Тревожно и тоскливо бизнесменам.

«Шторм, видимо, приближается»,— стонет «Ньюсуик».

«Волна уныния охватила деловой мир,— вторит ему «Бизнес уик».— Предприниматели считают перспективы безрадостными».

В США сейчас говорят об одном:

— Каким будет наступающий кризис? Таким же, как в памятном для американцев 1929 году, или почище?

Случилось то, что должно было случиться. Кто сеет ветер — пожинает бурю. Кто переводит хозяйство страны на военные рельсы — ставит страну перед неизбежным экономическим кризисом.

«Гонка вооружений, которую на Уолл-стрите считали панацеей от всех бед, оказалась не в состоянии разрешить противоречия системы свободного предпринимательства»,— здраво отмечает «Экономик нотс».

«Мэгэзин оф Уолл-стрит», с трудом выдерживая академический стиль, мрачно признаёт, что «стимулирующее влияние программы вооружений не может возместить застой в гражданском производстве». А «Бизнес уик» ясности ради уточняет: «Перевооружение уже недостаточно для поддержания бума».

Совсем ещё недавно экономические эксперты из «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт» легкомысленно болтали о странном смешении этих противоречивых явлений. «Смесь бума и кризиса пронизывает всю нашу экономику»,— беспечно забавлялся этот солидный орган деловых кругов. Считалось, что на этой смеси ещё долго можно гнать расхлябанную машину американской экономики. Но смесь оказалась бедной.

«Бумкризис» кончается! Вместе с ним у крупных американских монополистов испаряется оптимизм и уверенность в будущем. Жалобно, почти как мольба, откровение К. Б. Рэндолла в журнале «Атлантик».

«Если мы,— пишет этот почтенный президент сталелитейной компании,— честно верим, что система свободного предпринимательства является величайшим даром бога человеку, то почему мы не можем говорить об этом всюду, где бы мы ни находились?»

Потому что вам не поверят, мистер Рэндолл. Божественное происхождение доллара и конкуренции — штука, мягко выражаясь, весьма сомнительная.

Перед лицом кризиса практичные американские дельцы не ограничиваются, однако, только заклинаниями. Они принимают и совершенно реальные меры, дабы смягчить неотвратимый удар. Уильям Гивен-младший, председатель правления «Амэрикэн брэйк шу компани», решил круто сократить инвентарные запасы и снизить издержки производства. Его примеру следуют многие. Гасятся доменные печи. Стальные короли поговаривают о демонтаже старых предприятий. Крупнейшие обувные фабрики в Бингемтоне, Джонсон-Сити и городах Новой Англии переведены на неполную неделю. Текстильная промышленность переживает самую сильную депрессию за последние двадцать лет.

Экономика США тяжело больна, и примочки Синего креста (клейма военных заказов) не принесут ей исцеления.

Г. ТОПОРКОВ

СОЛОВЕЙ В ОПАЛЕ

С НЕКОТОРОЙ поры из курского городского сада имени Первого мая исчезли соловьи. Представители старшего поколения рассказывают, что раньше здесь соловьи были, пели и вообще оказывали немалое влияние на сердечные чувства молодых курян. Более того, кое-кто из этих бывших влюблённых склонен считать соловья чуть ли не главным сватом, который помог ему крепко влюбиться, а потом зажить счастливой супружеской жизнью.

Теперь молодые граждане Курска вынуждены предаваться нежным чувствам без посредства голосистой пташки. Знаменитый курский соловей покинул курский городской сад. Его вытеснила механическая радиола с горластыми, внешне похожими на пожарные колокола репродукторами. Не зная ни отдыха, ни срока, репродукторы беспрерывно разносят по тёмным аллеям то музыку, то хриплые слова команды:

— Парни, возьмите девушек за талии! Девушки, положите руки парням на плечи! Танцевать будем с подскоком. Начали!..

Мы не имели особого желания танцевать «с подскоком», а потому занялись осмотром волшебного уголка, где сама природа располагала к отдыху, к веселью, к лирике. Но вместо лирических звуков до нашего слуха донеслось нечто более прозаическое.

— А я хочу ещё выпить...— невнятно бормотал юноша, которого не менее хмельные удальцы старались поддержать в вертикальном состоянии.— Я всё хочу и всё могу. Хотите — на дерево влезу, а хотите — танцевать пойду... вот с этими девчатами...

Хмельной танцор рванулся к сидящим на скамье девушкам, но его ноги отказывались выполнять прямые функции, и он валился в кусты, увлекая за собой спутников. Тут же с независимым видом проходили дежурные милиционеры. Они о чём-то беседовали между собой и обходили стороной ползающих и лежащих.

—Милиция, конечно, тут бывает,— заявил директор сада тов. Мейликер,— ходит, смотрит за всем. Одним словом, милиция на посту. Да только...

Директор махнул рукой и, чтоб отделаться от неприятных разговоров о курской городской милиции, стал рассказывать про духовное меню, которое он предлагает посетителям сада:

— Это наш летний театр. Иногда, правда, очень редко, здесь бывают концерты. Показа кинокартин тоже почти не бывает. Зал для этого не приспособлен. Резонанс плохой. А вот это, направо, читальня. Посмотрите, какой райский уголок!

Следуя за указующим перстом тов. Мейликера, мы посмотрели туда, где алчущие и жаждущие знаний должны принимать духовную пищу. Это был круглый навес, открытый для ветров всех баллов и направлений. Когда случается косой дождь, то его холодные брызги, не обращая внимания на низенький барьер, летят на книги и газеты. Кроме того в вечернее время путь к читальне далеко не безопасен: можно наткнуться на дерево или ветками поцарапать лицо, так как на аллеях, ведущих к читальне, тьма-тьмущая.

Вот и вся духовная пища, какую можно заполучить в курском городском саду. Зато другого рода пищи, со спиртным, здесь хоть отбавляй. Две палатки горпищеторга состязаются между собой в количестве выставленных напоказ водок, наливок и настоек разной окраски и крепости. Сделаешь несколько шагов дальше — и взору открывается величественное здание ресторана горторга, остеклённое, с верандой. Пройдёшь ещё несколько метров — и перед молодым посетителем вырастают полотняные грибки филиала ресторана «Ленинград».

— Неплохой доход саду приносят,— кивнул тов. Мейликер в сторону питейных заведений и при этом довольно потёр руки.— Остальные мероприятия, кроме убытков,— ничего.

О постановке воспитательной работы, об организации культурного отдыха для молодых посетителей сада разговор у директора явно не клеился. Чувствовалось, что эта сторона дела его уж не очень-то волновала.

На другой день мы навестили секретарей горкома комсомола товарищей Кривошеева и Куликову. И снова разговор зашёл об опальных соловьях и скучающей молодёжи.

— Правильно. Молодёжь у нас скучает,— согласились секретари.— Но мы это дело исправим. Скоро будем слушать и обсуждать. Примем решение. Мы и сейчас в городском саду уже проводим «молодёжные среды».

Чем молодёжь будет занята остальные шесть дней в неделю, от четверга до вторника, оставалось неясным. Да и «среда», на которой собирались выехать городские руководители комсомола, была слабым конём, гуляющим на подножном корму без хозяйского присмотра. «Среды» проводятся, а добрая половина выпущенных для этой цели абонементов лежит в райкомовских сейфах.

Узнать о каких-либо других мероприятиях горкома нам не удалось. Ведь совещание об отдыхе молодёжи предполагалось не завтра, а только через месяц. За такой долгий срок, без сомнения, можно будет не спеша продумать и мероприятия! А пока руководители курских комсомольцев тешатся наспех организованными «молодёжными средами».

...Вечером мы снова решили заглянуть в городской сад имени Первого мая. Это был обычный день, не среда. Но попасть в парк нам не удалось. Возле самых ворот группа удалых молодцов вела далеко не дружескую беседу на вымершем языке ломовых извозчиков. Не решились идти в сад и многие юноши и девушки. Они ходили вдоль садовой ограды и скучали. А им хотелось бы хорошо отдохнуть в коллективе, поразвлечься, а потом, разделившись на пары, погулять, посидеть, помечтать под соловьиное пение.

Но соловей не залетает в курский городской сад.

И. КОСТЮКОВ

г. Курск.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

(«ХУАЛЬСАЛ» — «СТРЕЛА» — САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

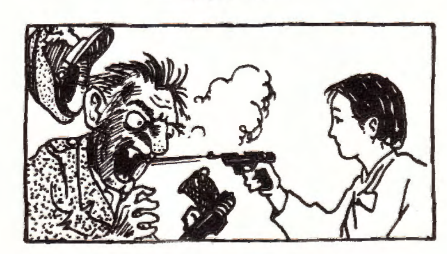
— Лучше нарисуйте меня по этой фотографии, сделанной два года назад!

— Где партизаны!

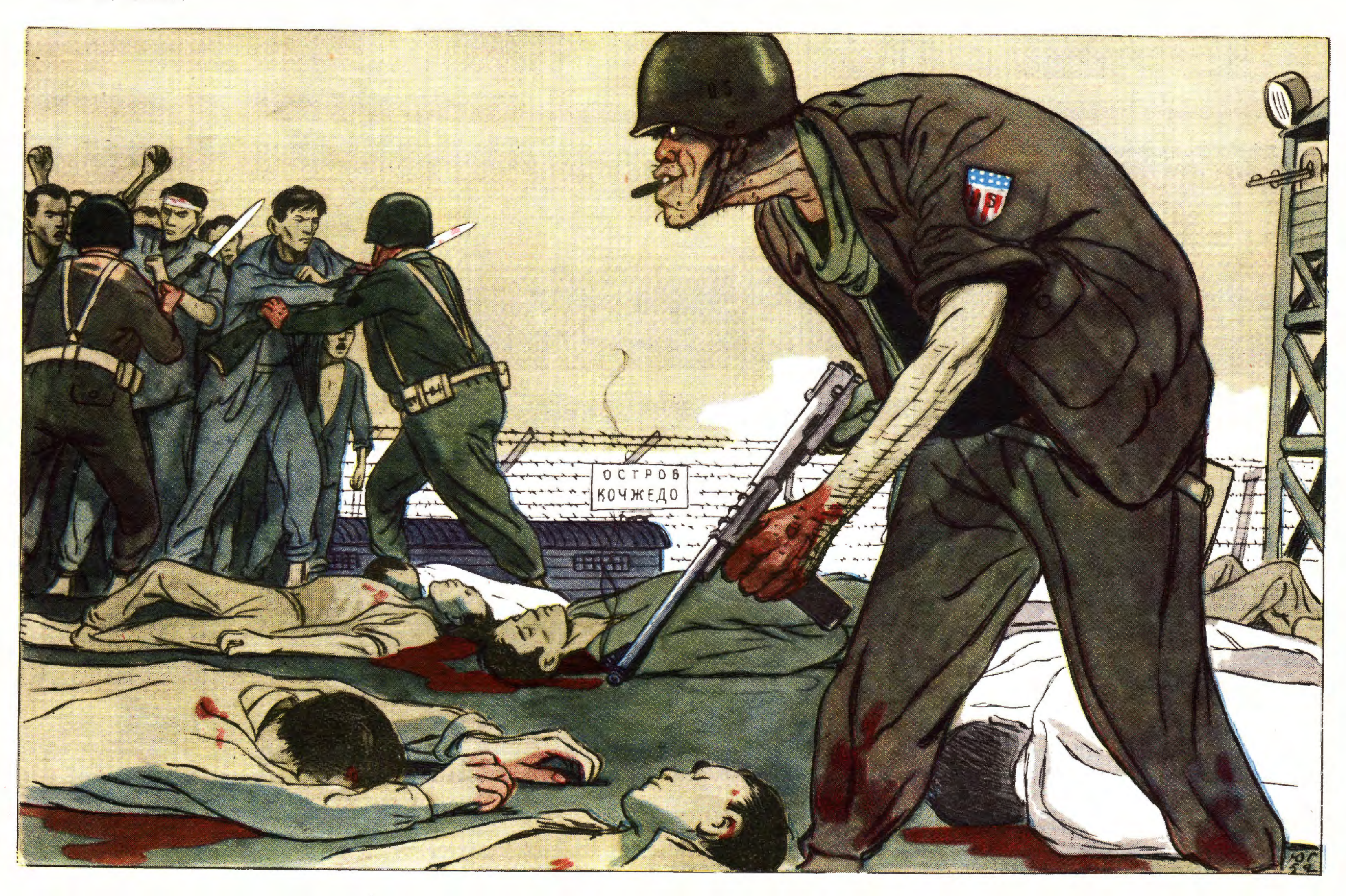

— Вон там!..

ОПРОС ПО-АМЕРИКАНСКИ

Рис. Ю. ГАНФА

— **А ну, кто ещё желает репатриироваться!**

Тэд ТИНСЛИ

Оптимистические лозунги

АМЕРИКАНСКИЕ журналисты Джан и Джюн Роббинсы не боятся затрагивать в своих статьях наиболее острые и злободневные темы. Недавно, например, они попытались ответить на такой животрепещущий вопрос: «Как избавиться от пессимизма?»

В этой статье собратья по перу мрачно намекнули, что распространённое среди американских рабочих унылое настроение сокращает промышленное производство в стране.

Не поймите авторов превратно! Они не оспаривают закономерность пессимизма в некоторых случаях. Иногда они даже разрешают вам быть пессимистом. Они ссылаются при этом на авторитетное высказывание доктора Элеоноры Крисси из отдела психиатрии Корнельской медицинской школы:

«Можно простить плохое настроение человеку, который утром теряет работу, после обеда обнаруживает исчезновение своего бумажника, а вечером, возвращаясь домой, ломает ногу».

Но Роббинсы непоследовательно уклоняются от темы пессимизма безработных и пишут о пессимизме работающих. Именно это, как они утверждают, беспокоит руководителей Соединённых Штатов. Но почему же? Уж не являются ли эти деятели сами пессимистами? Ведь если бы они были оптимистами, пессимизм других не вызывал бы у них никакой тревоги. Но они действительно пессимисты. Они пессимисты потому, что советский, китайский и другие народы — оптимисты. Я уверен, что если бы советский, китайский и другие народы были пессимистами, то этот пессимизм не вызывал бы такого беспокойства у руководителей нашего государства, а также у Джана, Джюна и их консультанта Крисси.

А теперь проследим, как выглядит пессимизм на наших заводах по Джану и Джюну. Недавно на одной фабрике в Бостоне вспыхнула эпидемия несчастных случаев у сборочного конвейера. И что же? Расследованием был обнаружен злостный пессимист, который систематически внушал своим соседям-рабочим:

— Будьте осторожны! Эта машина может оторвать вам палец. Теперь у нас много несчастных случаев.

Наслушавшись этого пессимиста, рабочие до такой степени пали духом, что стали неповоротливыми, нервными, и процент несчастных случаев действительно увеличился. Так пишут Роббинсы.

Вот видите! Пессимизм причиняет ужасное зло рабочим. Они стали такими неповоротливыми, что игнорировали строгие правила техники безопасности и совали свои руки в машины по самые локти. Другое дело, если бы этот рабочий-пессимист был оптимистом. Тогда он сказал бы:

— Презирай осторожность! Эта машина никогда не оторвёт тебе ни одного пальца. Теперь у нас нет никаких несчастных случаев.

Правда, в тот момент, когда он сказал бы так, его нос, повидимому, отлетел бы в одну сторону, а сам он покатился бы в другую — к концу сборочного конвейера. Но это совсем не смущает Джана и Джюна. Судя по всему, Роббинсы хотели бы предложить рабочим такие оптимистические лозунги:

— Друзья, какая веселая эта потогонная система! Чей это оторванный палец? Голова Чарли попала в строгую технику безопасности. Эдди попал в прокатный стан. Теснее ряды, друзья! Солнце ещё светит!

Нет! Роббинсы и не подозревают, что американские рабочие более оптимистичны, чем жёлтые журналисты и их наниматели.

Перевод с английского.
(Из американской газеты «Дейли уоркер».)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ФЛЮГЕР

Редакция газеты «Орловская правда» (ответственный редактор — В. К. Авдюшин) приносит извинение читателям в том, что в газете была напечатана рецензия тов. Червякова о брошюре Е. Румянцевой «Как повысить продуктивность сельскохозяйственных животных».

Мы тоже читатели газеты «Орловская правда». Мы читали эту рецензию. Принять ли нам извинение? Ведь, в сущности, это очень просто и легко:

— Прошу извинения!

— Пожалуйста!

Однако не будем спешить. Давайте разберёмся. В чём извиняются, в чём видят свою вину редакция, тов. В. К. Авдюшин?

Редакция винится в том, что, «доверившись автору, допустила ошибку, опубликовав указанную выше рецензию», а в результате этого автор рецензии «ввёл в заблуждение читателей».

Итак, редакция проявила доверчивость, а мы, читатели, пребываем в заблуждении. Это, конечно, нехорошо. Создаётся поневоле такое представление, что вот пришёл в редакцию какой-то недобросовестный и невежественный автор, подсунул рукопись, а редакция в святой наивности, не посмотрев, как надо, не разобравшись, не проверив, сунула в печать.

Трудно извинять в таких случаях, но подкупает простодушие редакции. Её вину смягчает то обстоятельство, что автор рецензии — это главный зоотехник управления сельскохозяйственной пропаганды областного управления сельского хозяйства, то есть в Орловской области человек по своей части авторитетный. И если дело было так, то, пожалуй, можно было бы тов. В. К. Авдюшина извинить. Он, очевидно, в вопросах животноводства слабо разбирается.

Если дело было так... Но в том-то и штука, что дело было совсем не так. Ответственный редактор наклепал на редакцию. Увы, он снова ввёл читателей в заблуждение.

Рукопись Червякова была тщательно рассмотрена в редакции и сверена с брошюрой. Редакция не только согласилась с автором, что брошюра тов. Румянцевой безграмотна, а, со своей стороны, подсыпала перцу, резко усилила обвинение автора брошюры в невежестве. Ни о какой «доверчивости» не может быть и речи. Нет и никакого простодушия. У редакции в марте 1952 года было совершенно определённое, отрицательное мнение о брошюре тов. Румянцевой, и редакция это мнение высказала со всей прямотой.

А через два месяца редакция повернулась на 180 градусов и изменила своё мнение о брошюре тов. Румянцевой. При этом она обвинила автора рецензии в «недобросовестности». При этом она обнаружила «недобросовестность» как раз в тех словах, которые были вписаны редакцией в рукопись главного зоотехника.

Выходит, что не редакция совершила ошибку, доверившись тов. Червякову, а тов. Червяков совершил ошибку, доверившись редакции.

Выходит, что читатели, введённые в одно заблуждение, введены затем и в другое заблуждение. Как же нам извинять редакцию «Орловской правды» и в чём её извинять?

Повидимому, между мартом, когда редакция была одного мнения о брошюре тов. Румянцевой, и маем, когда у редакции появилось другое мнение, как раз противоположное, что-то произошло. Трудно представить себе, чтобы за эти два месяца ответственный редактор тов. Авдюшин в скоростном порядке прошёл специальные курсы по животноводству и составил себе своё собственное мнение по вопросам рационального кормления коров и наилучших способов выращивания племенного скота. Очевидно, тов. Авдюшин прислушался к чьим-то советам со стороны, а затем повернулся на 180 градусов. Однако что же это выходит? В марте редакция прочитала рецензию отрицательную — повернулась против брошюры. В мае прослушала рецензию положительную — повернулась за брошюру. Как известно, так действует флюгер, определяющий, откуда дует ветер. Но что может быть общего у редактора с флюгером?

Главное: как же быть нам, читателям? Пребывать в заблуждении, что брошюра тов. Румянцевой безграмотна и невежественна, или же пребывать в заблуждении, что брошюра тов. Румянцевой грамотна, полезна и нужна? Как быть в особенности тем колхозным читателям брошюры, которые имеют непосредственное дело с выращиванием и кормлением коров?

Признавая свою неосведомлённость в этом деле, мы просили авторитетное сельскохозяйственное учреждение вывести нас из лабиринта заблуждений. Авторитетное сельскохозяйственное учреждение рекомендовало нам виднейших специалистов по этой части, а специалисты в своём отзыве согласились с рецензией тов. Червякова. Брошюра действительно, по мнению специалистов, безграмотна, недобросовестна, представляет халтуру и вредна.

Правда, специалисты нашли неточности и в рецензии, но это отчасти именно те неточности, которыми редакция украсила рецензию. А в целом редакция нисколько не вводила в заблуждение читателей, когда предостерегала против порочной брошюры тов. Румянцевой. Редакция ввела в заблуждение читателей потом, когда прикинулась доверчивой, повернулась в другую сторону и облыжно обвинила главного зоотехника в недобросовестности.

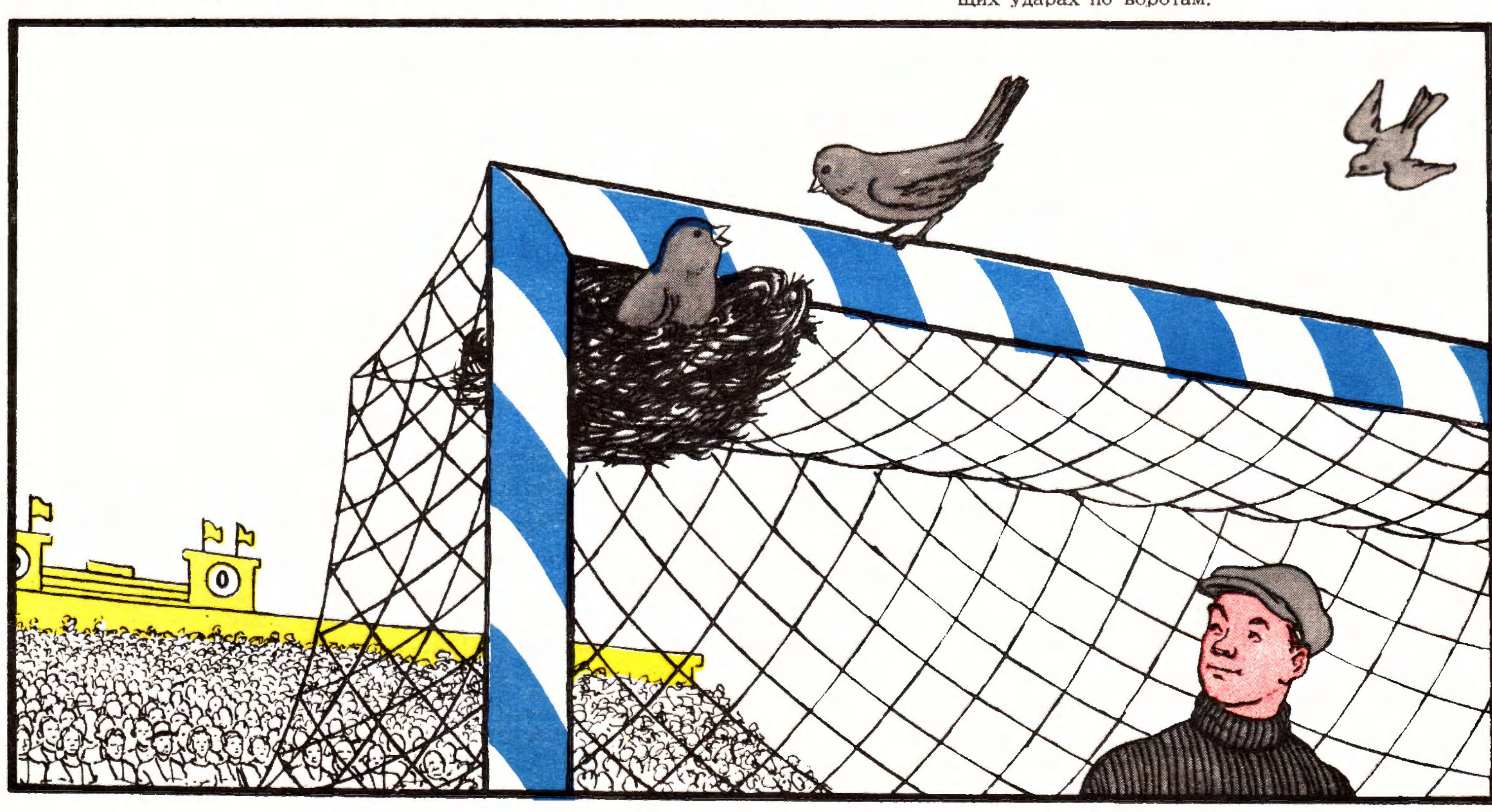
Редакция проявила замечательную подвижность, но, к сожалению, не проявила принципиальности.

Редакция приносит читателям своё неискреннее извинение. Мы пока воздержимся от принятия его. Не придётся ли очень подвижной редакции снова извиняться перед читателями и как раз за то, что она извинялась?..

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Рис. М. ВАЙСБОРДА

Футболисты команд мастеров зачастую проявляют недопустимую небрежность при завершающих ударах по воротам.

— Тут мы и поселимся! Это — самое тихое и безопасное место на футбольном поле!

НА ЦИМЛЯНСКОМ МОРЕ

(ПОЧТИ ПО АЙВАЗОВСКОМУ)

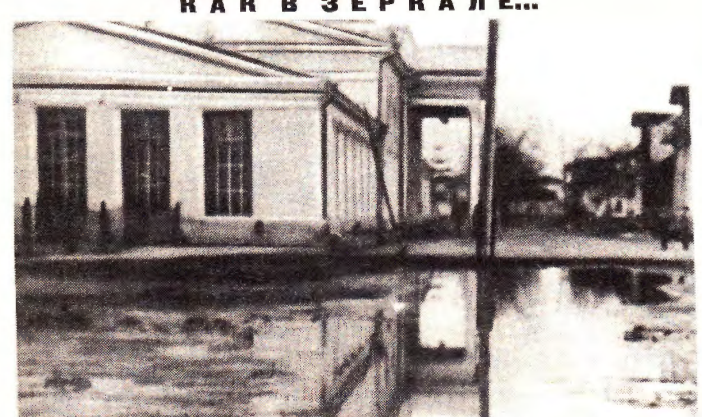
Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

Девятый вал.

КАК В ЗЕРКАЛЕ...

Два года назад жители Нальчика были приятно удивлены: строители сняли леса, и во всей красе перед всеми открылось чудесное здание вокзала. Архитектурное сооружение радовало глаз. Приятно было издали смотреть на новостройку, украсившую город.

Но только издали. Подойти к вокзалу поближе весьма затруднительно, а не умеющему плавать и совсем невозможно. На привокзальной площади плещется столь обширная лужа, что сразу даже трудновато определить: какой же это вокзал — железнодорожный или морской?

На поверхности лужи (см. фото), как в зеркале, отражается не только белокаменное здание вокзала, но и беспечность тех, кто не подумал о подступах к этому красивому сооружению.

МИРАЖ с прицепом

ПЯТЬДЕСЯТ лет и пятьдесят зим старый Мырзалы Серембаев пасёт отары в степях Южного Казахстана. Тёмной ночью по каким-то приметам, ведомым ему одному, он найдёт в песках Сарагеды самый короткий путь к колодцу. А степь обманчива: можно заплутаться и при солнце. В знойные полдни тысячи раз возникали на горизонте мифические реки, озёра, лесные дебри, манящие прохладой. Но никогда никакой мираж не обманул опытного глаза хозяина степей.

Первый раз в жизни едва не был обманут старый Мырзалы в июне 1952 года...

Солнце горело над головой без лучей и блеска. Сквозь синюю дымку чабан явственно различил вдали гусеничные тракторы с прицепами. Они как будто ходили взад и вперёд, обрабатывая поле.

— Откуда тут тракторы? — удивился Мырзалы.— Кругом песок и солонец! Пахотная земля начинается за Чулак-туйским оазисом. Может, канал роют?.. Не должно быть: в плане на этот год не записано... Мираж! — решил он.

Чабан медленно ехал на коне вслед за отарой и напевал вполголоса протяжную степную песню. Он забыл уже о необычайном видении, как вдруг до его слуха донёсся рокот моторов. Мырзалы поднял голову и снова увидел, совсем близко, тракторы с плугами на прицепе. Они ходили длинными гонами по барханам, взвихривая сыпучие пески.

Прицепщик, стоя во весь рост на раме плуга, что-то кричал парню в белом фартуке, хлопотавшему у костра. По молодому, звонкому голосу и коренастой фигуре Мырзалы узнал в нём своего внука Нурулбая, который прошлой осенью ушёл на курсы трактористов в Кинесскую МТС. Чабан наказал своим помощникам спускать отары к ближнему колодцу, а сам поскакал наперерез трактору.

— Э-гей! — закричал Мырзалы, размахивая в воздухе шапкой.— Выключай мотор, тракторист! Говорить будем!

Человек, сидевший за рулём, подал рычаг на себя. Трактор фыркнул и остановился.

Мырзалы спешился, подошёл к трактористам.

— Аман сиз ба? — приветствовал их чабан.

— Аман сиз, аксакал! — хором ответили те.

Мырзалы огляделся и увидел, что плуг, на котором стоял Нурулбай, был заглублён по самую раму.

— Лемеха чистить приехали? — полюбопытствовал чабан.

— Пашем, аксакал...

— Мырзалы шестьдесят пять лет! — гневно проговорил чабан.— У Мырзалы семеро сыновей, двадцать три внука. В степи никто не смеялся над Мырзалы. Стыдно, внуки, обманывать старого человека!

— Аксакал, дорогой, правду говорим тебе: ненароком пашем,— ласково молвил тракторист и рукою указал в сторону, где только что прошёл агрегат, но от борозд уже не было и следа: ветер засыпал их песком вровень с непахотью.— Третий день по воде вилами пишем, — как бы пояснил он.

Парень в белом фартуке скликал пахарей на бисбармак. Бригадир Андрей Коржов пригласил старого Мырзалы отобедать с трактористами.

Они разместились с подветренной стороны передвижного вагончика и молча начали трапезу. Плотно закусив, старый чабан спросил бригадира:

— Для какого смысла пески пашете?

— Так вот и пашем, без всякого смысла! — ответил бригадир с досадой.

— Без смысла только ворона каркает да ишак ревёт...

— Приказ из области: пахать невзирая ни на что до тех пор, покуда план тракторных работ не будет выполнен на сто процентов.

— Голова Мырзалы, проговорил чабан, разводя руками, — не понимает такого плана. Зачем пашешь песок?! Зачем тратишь горючее?! Зачем портишь машину?!

— Аксакал, я тоже ничего не понимаю! И возмущаюсь так же, как вы. А пахать — пашу. Приказ...

— Возможно, это для науки надобно? — усомнился старый чабан.

Бригадир ухмыльнулся и кивнул в сторону своего соседа, человека на вид угрюмого, не проронившего за всю беседу ни одного слова:

— Агроному товарищу Панченко лучше знать...

Агроном помрачнел пуще прежнего, проворчал что-то себе под нос. Потом встал, распрямился, заговорил быстро и резко:

— Для какой там науки, леший их подери!.. Так планируют, бисови души, в Джамбуле... Видите ли, областное сельхозуправление спустило машинно-тракторной станции план подъёма чистых паров... Колхозам моего участка надлежит по этому плану вспахать пятьсот двадцать гектаров. А в севооборотах имеется только сто пятьдесят семь парового клина. Вспахали мы эти сто пятьдесят семь гектаров, заборонили, всё честь по чести... А из Джамбула телеграмма: «План срываете!» Товарищ Думшебаев, директор нашей МТС, обращается в область с разъяснением: дескать, весь паровой клин освоен, желательно бы пересмотреть план, потому что он идёт вразрез с действительностью. В Джамбуле его и слушать не хотят. «План,— говорят,— есть задание. Раньше выполните, а потом рассуждайте!.. Нажмите на председателей колхозов, пусть найдут недостающие гектары!» Председатели, те, конечно, смеются... Что делать директору? Даёт указание бригадирам тракторных бригад: перепахать в заполье солончаки и пески, чтобы план был в ажуре.

— Ай-яй-яй, — качал головой старый Мырзалы, — сколько вёрст ходил по степи, не встречал такого миража!

— Выехали мы на солонцы,— продолжал печальную повесть Андрей Коржов,— лемеха своротили. Солонец, что камень. На нём впору отбойным молотком орудовать. Поглядели мы, поглядели: зря пашем, всё равно сеять никто не станет... Снялись и переехали на барханы. Польза одна и та же, а машинам на песках чуток полегче...

— Эх вы, машинизаторы! — укоризненно сказал Мырзалы. — Надо известить о непорядках областных начальников!

— Самому председателю облисполкома товарищу Аталыкову писали... Ведь и прошлый год у нас такая канитель была. Да вот товарищ Аталыков почему-то не обратил внимания на этот вопрос...

— В плохую МТС попал ты, Нурулбай,— с грустью заключил чабан, обращаясь к своему внуку. — Говорил тебе, иди в Джеимбетовскую, не переливал бы из пустого в порожнее.

— Ого! — оживился агроном.— Джеимбетовцы за два сезона пять тысяч гектаров отгрохали ради сводок. Если так и дальше будут планировать, там скоро все дороги и улицы перепашут!

— А вот в Ново-Ивановской дела, видимо, получше,— не сдавался чабан.— Племянник там у меня трактористом.

— Действительно, получше,— согласился агроном. — Там только две тысячи триста гектаров солончаков и песков подняли на ветер...

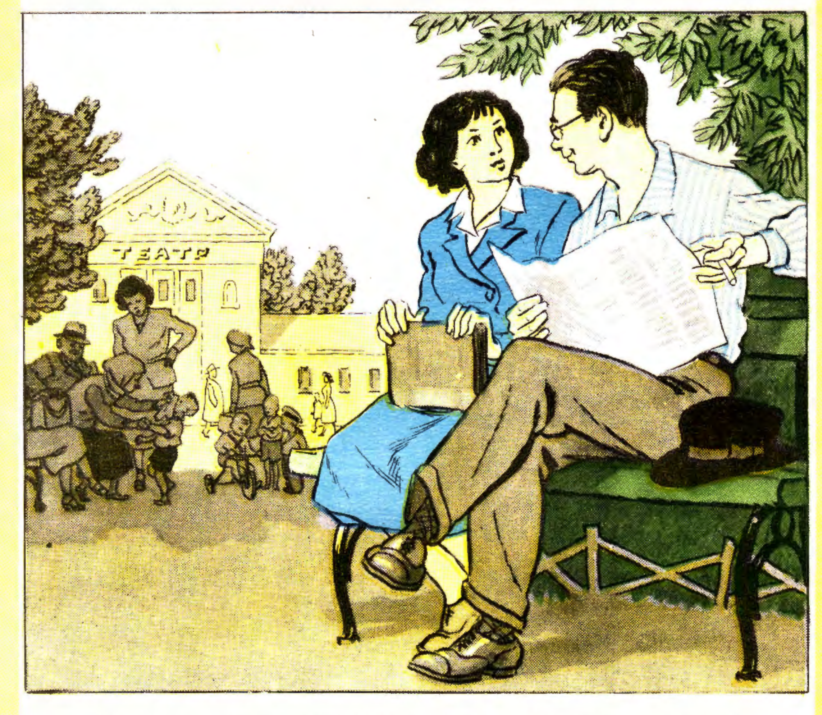
Старик оседлал коня, окинул взглядом полевой стан, поставил ногу в стремя и сказал:

— Такой мираж случается один раз в жизни...

Н. ВОРОБЬЕВ,
В. ЖУРАВСКИЙ

Областные театры не ставят пьес местных драматургов и не ведут с ними работы.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— На днях будет показана пьеса местного автора!
— Неужели!
— Да, к нам с его пьесой приезжает московский театр!

В ТОМ-ТО И ДЕЛО

Прокурор Осташковского района, Калининской области, без всяких на то оснований прекращает дела на расхитителей общественного добра.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Как много дел у нашего прокурора!
— Это потому, что он ничего не делает!

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ

— Вот необычная цистерна с керосином, — говорит заведующий складом тов. Гасиев, показывая на цистерну.

— Почему же она необычная? — спрашивают посетители склада.

— Хозяин такой. Сам не пользуется и другим не даёт, хотя и убыток терпит. Гм... гм... А вы ему не передадите то, что я вам скажу?

— Не передадим.

— Сейчас схожу в контору. Принесу кое-какие документики. Только между нами!

Через минуту Гасиев возвращается с пачкой счетов к «оплате» за хранение керосина и, показывая ими в сторону одинокой цистерны, говорит:

— Вот, полюбуйтесь! В этой посудине хранится восемнадцать тонн тракторного керосина. Стоит керосин восемь тысяч рублей, но хранится он здесь столько времени, что только за хранение хозяин обязан уплатить тридцать шесть тысяч рублей!

— Почему так?

— Три с половиной года хранится горючее. Ни себе на пользу, ни другим для дела.

Затем, точно человек, впервые прыгающий с парашютной вышки, Гасиев махнул рукой: мол, будь, что будет, — и сказал:

— Хозяин восемнадцати тысяч килограммов керосина — тов. Кайтуков, начальник дорожного управления при Совете министров Северо-Осетинской АССР. Выдающийся характер!

И заведующий складом припомнил такой интересный случай. Приезжает как-то раз тов. Кайтуков вечером в одну дорожно-строительную бригаду. Видит: вагончик, а в нём свет горит. Заходит. Смотрит: один тракторист бреется при керосиновой лампе. Кайтуков не замедлил возмутиться. «Вы что, — говорит, — при лампе бреетесь, а?» «А что?» — спрашивает тракторист. «Как что? По-вашему, керосин денег не стоит? Если на вашу бороду уйдёт сто граммов горючего, а здесь вас пять человек, а всего в управлении сто двадцать... давайте-ка подсчитаем...»

Подсчитал и объявляет: «Завтра же прикажу у тракторных бригад весь керосин изъять и отдать его на хранение».

И действительно, такой приказ был издан.

С тех пор и сидят дорожные строители вечерами в своих вагончиках впотьмах.

— Вот так-то экономит горючее тов. Кайтуков, — продолжал заведующий складом тов. Гасиев. — С 1948 года он платит ежемесячно по шестьдесят рублей за хранение каждой тонны. Сколько месяцев прошло с тех пор? Давайте подсчитаем...

А ещё говорит, что у него хозяйский глаз!

Не знаем, что этот хозяйский глаз видит, мы видим один убыток!

Бор. ШЕЛЕПОВ, Н. ВЛАДИМИРОВ

г. Дзауджикау.

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО

ПРОБЛЕМА ХОМУТА

Широко известные предметы обозно-упряжной техники кое-где превратились в неразрешимую проблему. Этому вопросу посвящён фельетон Б. Семёнова в газете «Псковская правда».

«Хомут был изобретён в далёкие времена, когда человек приручил дикую лошадь и сделал её полезным животным. Культура изготовления хомутов и прочих конских уборов была примитивной. Однако уздечка, седёлка, шлея, хомут и прочие атрибуты упряжки делались сравнительно быстро, а главное, на месте!»

Автор фельетона приходит к прискорбному выводу, что с развитием техники изготовление хомутов и вожжей сильно усложнилось. Попробуйте, например, в Пскове или области изготовить кнут или подпругу. Производство крайне тонкое и хлопотное. Это вам не какой-нибудь самоходный комбайн или шагающий экскаватор!

Для седёлки или уздечки нужны пряжки. Работникам артели «Красный острович» приходится из-за них ездить в Брянск, Ярославль, Москву, Новосибирск и Ростов-на-Дону.

Берёзовые клещи для хомутов в Пскове не изготовляются, за ними ездят в Брянскую область. Правда, берёзы на Псковщине сколько угодно, но работники промысловой кооперации и местной промышленности предпочитают трястись в поезде сотни километров, чем возиться с клещами на месте.

Вожжи — вещь как будто немудрёная, но за тесьмой надо ехать в Москву, а за карабинами — в Ярославль.

Или, скажем, уздечка. К ней нужна обыкновенная железная пряжка, а где её взять? И вот мчатся за пряжками, за простыми железными кольцами, в тот же Ярославль, Брянск и другие города.

Псковский завод «Металлист» выпускает в большом количестве втулки для колёс конного транспорта, но отправляет их далеко за пределы области, в частности в город Калинин.

На эти же втулки предъявляет огромный спрос псковский «Сельхозснаб» для продажи их местным колхозам. Чего проще, направить втулки с Пролетарского бульвара, где расположен завод, на базу «Сельхозснаба» на Крестовское шоссе. Расстояние не больше километра. Но в «Сельхозснабе» рассудили иначе и заказали втулки в Калининской области.

В то время как в Пскове из вагонов выгружали калининские втулки, в Калинине разгружали псковские.

Так в Пскове решают проблему хомута и уздечки.

В ОДНОМ ЗАВКОМЕ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— Только я одна и забочусь об этом договоре: то пыль с него сотру, то стекло промою!

Л. МИТНИЦКИЙ

Рис. Г. ВАЛЬКА

Друзья встречаются вновь...

ДВЕРЬ кабинета медленно раскрылась, и человек в защитном кителе спросил:

— К вам можно, товарищ Груздев?

— Иван? Иван Фёдорович?! — закричал полный бритоголовый человек, сидевший за столом в глубине комнаты. — Заходи, браток!

— Узнал, значит? — весело спросил вошедший.

— Узнал?.. Скажешь тоже...— расплылся в улыбке Груздев, поднимаясь из-за стола. — Война, Иван Фёдорович, небось, не сто лет тому назад была... Привет соратнику и другу по Первому Украинскому!..

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Ну, как ты? — спрашивал тот, что вошёл.

— Ну как я? Сам видишь: адмхоз. На войне строевым был. А теперь, как у нас говорят, на хозяйственном фронте. Ты-то как?

— Демобилизовался.

— Да, брат Иван Фёдорович, было... Много всего у нас было... Пошагали мы с тобой. Помнишь Вислу? Помнишь Одер?

— Помню, помню, дружище!

Друзья-фронтовики погрузились в такие воспоминания, какие по сей ещё день неизменно всплывают при дружеских встречах фронтовых спутников.

— Суровое времечко было, — говорил гость. — Есть что вспомнить. Да ты заходи ко мне вечерком. Я тут неподалёку обосновался. Посидим у меня. С семьёй тебя познакомлю. Ещё о днях минувших вспомянем. Договорились?

И, вглядевшись в собеседника, добавил:

— Только, примечаю я, что-то тебя заботит, беспокоит тебя что-то, дружище... Сознавайся по-приятельски: неприятности? Это у вашего брата, хозяйственника, я знаю, частенько бывает.

— Как сказать! — развёл руками хозяйственник. — В районе действий вверенного мне хозяйства операции в общем развиваются. С переменным успехом, как помнишь, в сводках писалось. Есть, конечно, трудности, и неприятности тоже имеются. Где трудности, там и неприятности... Тут, понимаешь, Иван, ещё другая забота. Напоминают мне у нас в организации, что год учебный уже заканчивается. А я, понимаешь, на самостоятельной учёбе. Но, извини за шутку, самостоятельная у меня получается пока что несостоятельная. Прямо тебе скажу, как соратнику и другу: не получается у меня с этим вопросом, Иван Фёдорович. Хозяйственная работа, она, браток, целиком съедает всё время. Так загрузили — газету, и ту не успеваешь прочитать. Где уж там книги!.. Честно тебе признаюсь: да, брат, не учусь! Простой у меня получается с этим вопросом, трудновато по части теории... Текучка, брат, заедает. Одних заседаний сколько наберётся. Всю неделю без продыху, как белка в колесе, вертишься... До всего ведь самому дойти надо... Кругозор, брат Иван, тут тоже ведь нужен... и подход государственный!

— Кто учится, у того, я думаю, кругозор пошире...

— А когда же учиться? Ты сам посуди: газету, и ту, понимаешь... Ну и... отдых человеку тоже ведь нужен, преферансик там, в гамаке покачаться, рыбку поудить... Впрочем, это у нас с тобой конфиденциальный разговор. Лично тебе говорю об этом, браточек, и смотри, никому ни словечка... Я тебе, брат, высказал такое, чего никому другому — ни-ни. Разве ж каждый и всякий это поймёт? Разве он войдёт в моё такое положение?

— А чего тут особенного? — пожал плечами Иван Фёдорович. — Всякий поймёт. Чего тут не понимать? Всё ясно! А вот насчёт положения — это ты верно: не всякий может войти в твоё положение.

— Думаешь?

— Не учишься, дружочек. Другие из того же беличьего колеса выкраивают время. А ты...

— А я вот не могу выкроить... Ну, впрочем, извини, браток, заговорились мы с тобой. Ты уж, Иван Фёдорович, не гневайся на меня, пожалуйста... Сейчас сколько времени? Три без четверти? С минуты на минуту он должен придти. Извини, Иван, и давайка мы лучше с тобой сговоримся на другой разок... А сейчас извини, дорогой. Жду его с минуты на минуту...

— Вот почему ты такой озабоченный! Кого ждёшь-то, если не секрет?

— Жду товарища из райкома. Сказали: придёт, беседовать будет со мной о политучёбе... Конспектами будет интересоваться.

— А ты уж и испугался? К встрече готовишься? А может быть, самое страшное уже позади?

— То есть как позади? Шутишь, браток! Он придёт и спрашивать будет...

— Зря беспокоишься. И спрашивать тебя в общем не о чем. И никто, я думаю, не придёт...

— Да почему это вдруг не придёт?

— Да потому что он уже пришёл...

— Кто пришёл? — уставился на гостя Груздев. — О ком ты говоришь?

— О себе. Он — это я.

Полный бритоголовый Груздев побледнел и, с лихорадочной деловитостью бросившись к ящикам стола, сразу всполошил целый ворох бумаг.

— Сейчас, сейчас...—бормотал он.— Конспектики только что были... ей-ей!.. Плод, так сказать, трудов...

— Не трудись,— мягко возразил Иван Фёдорович.— Тезисы мне в общем ясны. И не будем задерживаться. Как договорились, жду тебя вечерком. Приходи, дружище! Поговорим начистоту!

ДЕБИТОРЫ И РЕВИЗОРЫ

В СЕЛЕ Микшине, что под городом Лихославлем, живёт и процветает колхоз имени Чкалова.

Однажды колхозный бухгалтер Кокорев заявил председателю правления Белякову:

— У нас, Михаил Фёдорович, появились недисциплинированные дебиторы. Должают, а с расплатой не торопятся.

И бухгалтер разложил на столе длинный-предлинный список. В нём значились и Лихославльская МТС, которая по рассеянности своего директора Л. Г. Страхова ни копейки не уплатила колхозу за многочисленные кузнечные работы, и Микшинская трикотажная промартель, задолжавшая крупную сумму (по забывчивости своего председателя М. Г. Моисеева) за аренду двух больших колхозных зданий. Быть в долгу, как в шелку, считают почему-то нормальным руководители Микшинского сельпо и другие ближние и дальние соседи колхоза. Одни не рассчитались за транспортные услуги, другие — за различные работы, третьи — за продукцию, полученную в колхозных кладовых.

Причины у должников всевозможные: не удосужились расплатиться, запамятовали, недоучли...

А долги немалые: к началу минувшей зимы они составили довольно-таки круглую сумму — 85 тысяч рублей.

— Напомните ещё раз, Михаил Петрович, недисциплинированным дебиторам, что долг платежом красен,— посоветовал председатель бухгалтеру.

Напомнили. Дебиторы ответили: одни — платежом, другие, как, например, председатель сельпо В. И. Малинин,— обещанием, которое вскоре было забыто, третьи — шуткой: долг, мол, не верёвка, не сгниёт.

Время шло. Напоминания повторялись. Наконец у кредиторов лопнуло терпение. Они обратились к лихославльскому районному прокурору В. Н. Попову, который посочувствовал представителям колхоза, порасспросил, что и как.

— А каково на этот счёт мнение райсельхозотдела и райкома? — поинтересовался прокурор и тут же посоветовал: — Знаете что, обратитесь к ним, пусть разберутся...

Пожаловались кредиторы в Лихославльский районный отдел сельского хозяйства. Там, надо отдать справедливость, жалобы не залёживаются в папках. Чтобы «проверить тревожный сигнал на месте», в Микшино незамедлительно (это было в январе нынешнего года) выехал инструктор-бухгалтер Пётр Яковлевич Белов.

Проверил и посоветовал:

— Через несколько деньков позвоните по телефону. Прямо нашему заведующему Николаю Ивановичу Седову.

Позвонили.

— Всё в порядке! — заверил Николай Иванович.— Я распорядился.

Миновала зима. Пришла весна. В колхозе так и не дождались результатов, которые должны были последовать за распоряжением тов. Седова. Пожаловались в райком партии. Там тоже, надо отдать справедливость, не любят, чтобы жалобы залёживались в папках. В Микшино срочно выехал член бюро райкома тов. Алексеев. Проверил жалобу.

— Когда же мы долг получим? — настойчиво поинтересовались колхозники.

— Доложу секретарю райкома Константину Игнатьевичу Понтякову,— ответил представитель.— Позвоните ему по телефону через несколько деньков.

Позвонили.

— Всё в порядке! — заверил Константин Игнатьевич.— Вопрос о дебиторской задолженности колхозу обсуждён на заседании бюро райкома. Вынесено решение.

Ждали-ждали в колхозе исполнения решения — не дождались. Тогда посетовали они на свою судьбу областному управлению сельского хозяйства. И тут к просьбам колхоза отнеслись чутко. Представитель этой авторитетной организации Александр Иванович Романов посетил село Микшино.

Посетил. Проверил.

— Когда же в конце концов мы долг получим? — требовательно спросили колхозники.— Помогите вернуть артели денежки!

— Вот приеду в Калинин, доложу начальству, вынесем решение...— успокоил Александр Иванович.— Факты и логика на стороне колхоза.

И поспешно отбыл восвояси. Настолько поспешно, что позабыл предупредить насчёт телефонных звонков. А дебиторская задолженность ничуть не уменьшилась. Видимо, потому, что здешние и иные ревизоры полагают, что долг вопреки поговорке вовсе не платежом, а лишь проверками красен.

П. ДУДОЧКИН

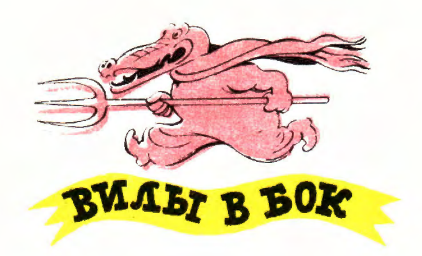
г. Калинин.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ФАМУСОВ: — В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!..

СОФЬЯ: — С удовольствием! И там теперь хорошо играют классиков!

РЕКОМЕНДУЕМ УЧЕСТЬ...

Работники завода «Северный коммунар» бомбардируют свой главк телефонными звонками, телеграммами, письмами: «План на заводе под угрозой! Помогите инструментами, материалами!..»

Главк на позывные о помощи реагирует оперативно. Все письма и телеграммы, полученные с завода, аккуратно подшиваются к делу и принимаются к сведению. В главке предпочитают молчать. Молчат долго и упорно. А на заводе «Северный коммунар» долго и терпеливо ждут. Наконец работники завода не выдерживают и, минуя главк, обращаются повыше — в Министерство станкостроения. Уж там-то живо откликнутся. Но тут совершилось чудо. Вместо министерства откликнулся главк. Отклик пришёл на завод в виде лаконичной, но внушительной бумажки:

«Руководством Министерства станкостроения сделано замечание, что некоторые директора наших заводов практикуют посылку телеграмм и писем непосредственно руководству министерства, минуя главное управление, что нельзя считать правильным.

Рекомендую учесть это замечание.

И. о. начальника
Главдревстанкопрома
Афанасьев».

На заводе получили такую бумажку и хорошо поняли свою ошибку. Подвела субординация!

— Учтём. Впредь не будем нарушать субординацию,— решили работники завода.

Но как же всё-таки быть с инструментами, материалами?

— Надо опять обратиться в главк, — предлагают оптимисты.

— Обратиться, конечно, можно,— рассуждают более реальные умы,— но уже десять раз обращались в главк, а какой толк?

Итак, создалось сложное положение: сигнализировать в министерство — субординация не позволяет, писать в главк — мало надежды на успех.

Как же быть?

Рекомендуем Министерству станкостроения учесть этот вопрос.

ЧЬЯ ТОПОРНАЯ РАБОТА!

В Краснокамске лесорубы от поры и до поры повторяют, стиснув зубы:

— Ох, уж эти топоры!

Только-только соберутся обрубить сосновый сук, энергично размахнутся... вдруг всё валится из рук. Это здесь не первый случай и не новый результат: топоры — в куски, а сучья... невредимые торчат!

И топор же! Он то гнётся, то ломается, то мнётся, то раскрошится в момент...

Но откуда же берётся этот странный инструмент?

Видно всем без телескопа местожительство деляг:

из Главснаба Минместтопа шлют такой топорный брак!

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВУЗА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Так куда же вы решили ехать работать!
— А разве мой папа вам в комиссию ещё не звонил!

С ВЕТКИ НА ВЕТКУ

Товарищ Алилуев чем-то напоминает беззаботную пташку. Вспорхнёт малая птичка на ветку, чирикнет раз — другой, глядишь, а она уже на новой ветке поёт несложную песенку. Между тем по роду своих занятий тов. Алилуев не должен был вызывать таких легкомысленных ассоциаций. Он человек солидный. Он заместитель управляющего куйбышевской межобластной конторой «Главутильсырьё».

В начале этого года запросили тов. Алилуева из Ульяновской области насчёт сбора лома цветных металлов. Хозяйственник не замедлил сообщить, что ульяновцам надлежит собрать 192 тонны. Не прошло и месяца, как тов. Алилуев известил, что нужно заготовить всего 65 тонн. А ещё через месяц и это указание было опровергнуто тов. Алилуевым, который дал новый план, в размере 95 тонн.

Ульяновский облисполком, обеспокоенный путаницей, запросил тов. Алилуева: какой же из трёх планов считать законным? В ответ последовало маловразумительное письмо, из которого можно было понять одно: выбирайте любой, а там видно будет, как-нибудь скорректируем.

Ульяновцы удручены. А тов. Алилуев продолжает порхать с ветки на ветку.

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

ДОБРЫЙ СЛОН

Окончен день,
И в тресте стало тише...

Подсев устало к своему столу,
Солидный Слон
собственноручно пишет
Характеристику Козлу.

«Ох,— думает,— избавлюсь
наконец-то я
От этого Козла наверняка!
Ведь это не Козёл, а просто
бедствие:
Ни пользы от него, ни молока».
А сам выводит почерком
красивым,
Что проявил себя Козёл в труде
Работником радивым и
ретивым,
Отличным активистом и т. д.

«Не дай характеристики
хорошей,—
Слон думает,— грозит Козлу
беда:
А вдруг работы он найти
не сможет,
А вдруг его не примут никуда?
Хоть он, бесспорно, и плохой
работник,
Я написать готов своей рукой,
Что он и мореплаватель,
и плотник,
И даже академик, и герой...
Лишь от Козла б добиться
избавленья!

И как попал он в наше
учрежденье?
Ах да, припоминаю: у Козла
Тогда характеристика была,
В которой было сказано
красиво,
Что проявил себя Козёл в труде
Работником радивым и ретивым,
Отличным активистом и т. д.
Кто панегирик этот мог
состряпать?
Я до сих пор, признаться,
не пойму,
Какая безответственная шляпа
Дала характеристику ему?
Кто написал её, мне
интересно?»

. . . .

А догадаться мог бы просто он,
Что написал её такой же
добрый Слон,
Но только
Из другого треста.

БУМАЖНЫЕ ПОСУЛЫ

В ЗНАМЕНИТЫХ библиотеках хранятся, как известно, не только книги, но и ценнейшие документы, представляющие большой исторический интерес.

Библиотеки Москворецкого района Москвы никак не отнесёшь к такого рода выдающимся книгохранилищам. Но и здесь при желании любопытный исследователь найдёт рукописи и документы, представляющие несомненный исторический интерес.

Эти документы посвящены одной-единственной теме: быть или не быть названным книгохранилищам?

Все — и районные и городские — организации согласны:

— Быть библиотекам! Цвести и расширяться!

Но как же им быть и цвести, ежели сорок пятая библиотека расположилась в бывшем купеческом амбаре? Сорок седьмая развернула свою культурную деятельность в стенах обветшалого барака. В сорок шестую библиотеку ведёт тёмная лестница.

Теснота заставила всех классиков, собранных в этом книгохранилище, забраться под самый потолок, на ветхую полку. При этом они нет-нет да и упадут кому-нибудь на голову. Новинки уже два года лежат, заколоченные в ящике...

Свои особенности сложились и в других районных хранилищах книг. В сорок второй библиотеке во время дождя посетители сидят под зонтиками. Зимой там дымят печки. Около входа нашлось место и для мусорного ящика...

В закутке при школе поместилась тридцать седьмая — детская — библиотека.

Два года назад нуждами библиотек заинтересовался Моссовет. Было принято решение о помощи библиотекам. Это решение вызвало на свет 2 ноября 1950 года бумагу, представляющую собой ордер № 16005. Чудодейственный ордер давал право сорок шестой библиотеке Москворецкого района занять конторское помещение в доме № 1/5 по Добрынинской площади.

Библиотеке оставалось только веселиться. Но... разрешите рассказать и о второй бумаге.

Перед нами ордер от 7 декабря 1951 года за № 16691 на право занятия детской библиотекой № 37 конторского помещения в доме № 38 по Фруктовой улице.

Детская библиотека быстро собралась занять предоставленное ей по праву помещение, но видите ли... Впрочем, разрешите рассказать ещё и о третьей бумаге.

Этот ордер, тоже от 7 декабря 1951 года, за № 16690 закреплял за сорок седьмой библиотекой торговое помещение в доме № 2 по Котловской улице.

Можно привести ещё и другие бумаги за номером и с печатью. Они сулили библиотекам лучшую жизнь.

Но над всеми этими бумагами взяла верх более могущественная бумага: решение аннулировать все прежние ордера.

Вот какие замечательные исторические рукописи хранятся в замоскворецких книгохранилищах! Но все они так и не дали окончательного ответа на волнующий вопрос: быть или не быть книгохранилищам?

Н. НОГИНА

ПРИЕМ УЛУЧШИЛСЯ

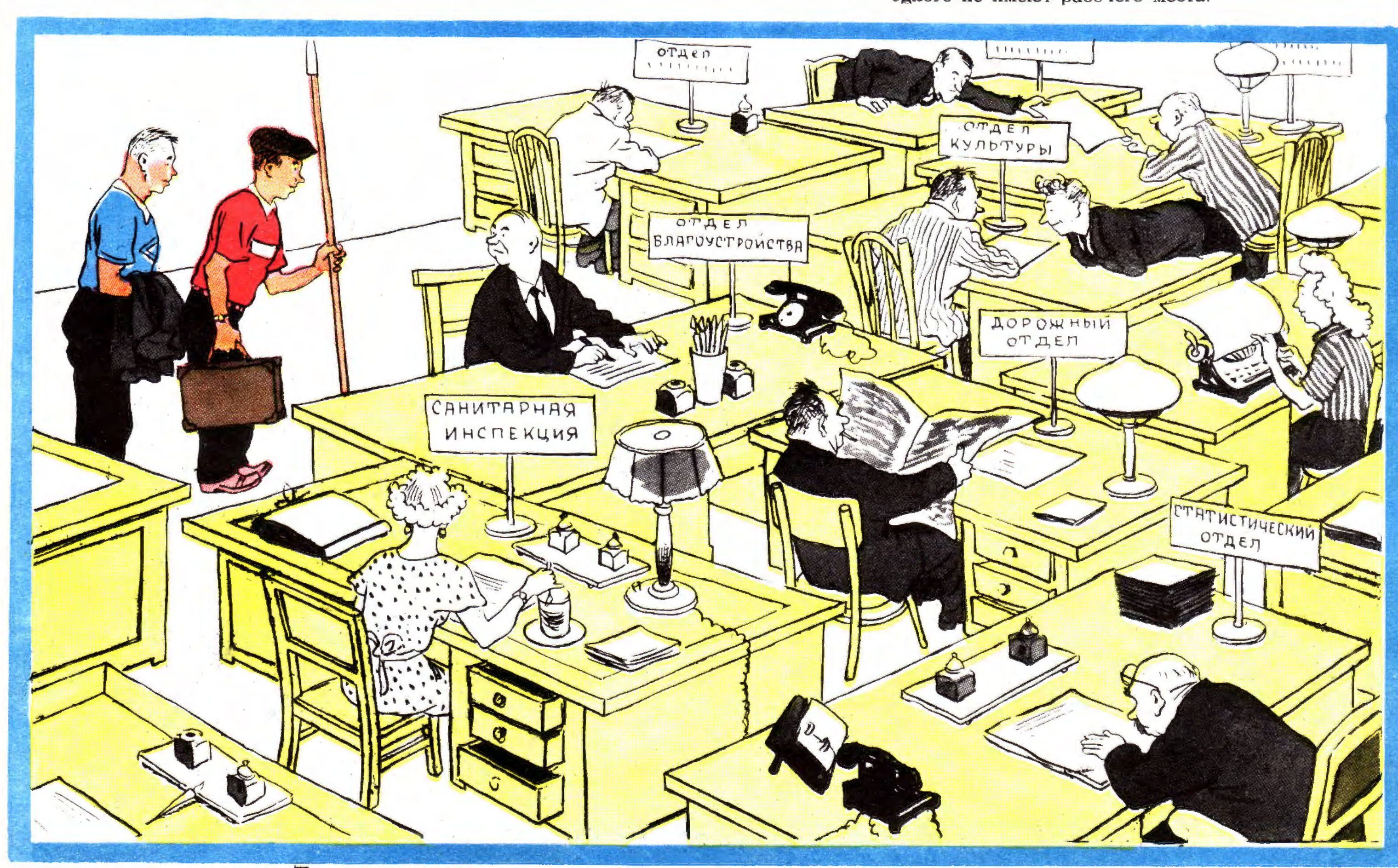
Рис. Л. ГЕНЧА (по теме читателя Н. Елина, Москва).

— Раньше я такую книгу читала в пять приёмов, а теперь только в два!

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

В Челябинской области председатели двадцати районных комитетов физкультуры из тридцати одного не имеют рабочего места.

— Почему председателя комитета физкультуры никогда нет на месте!
— У него нет места!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Могут ли песок и берёзовые веники заменить металлический лом? — Что за странный вопрос! — воскликнешь ты.

Однако некоторые работники Главвторчермета ничего странного в этом вопросе не найдут.

Недавно Краснодарское управление прислало на Макеевский завод имени Кирова вместо металлического скрапа, как числилось в накладных, два вагона песка пополам с битым кирпичом, а

Сталинградское управление под видом металлической окалины — вагон берёзовых веников.

В домны и мартены эти «заменители» не идут. И вот мы в раздумье, дорогой Крокодил: что с ними делать? Пожалуй, придётся их вернуть обратно отправителям. И песок и веники там пригодятся скорее, чтобы сначала пропесочить, а затем пропарить рассеянных работников Главвторчермета.

Ап. ВАСИЛЬЕВ

г. Макеевка,
Сталинской области.

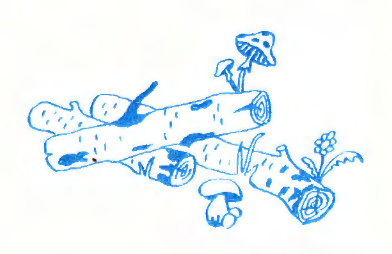
Товарищ Крокодил!

В нашем районе существует хозяйство без хозяев — Николаевский леспромхоз. В своё время он принадлежал стройуправлению, но в марте этого года из стройуправления любезно сообщили: «Леспромхоз передан пароходству и к нам никакого отношения не имеет». Затем выяснилось, что не имеет он отношения и к пароходству. Тогда возник, и длится доныне, великий спор о том, к кому же имеет отношение злополучный леспромхоз?

Пока все спорят и пререкаются, леспромхоз дал более миллиона рублей убытков. Неужели это хозяйство без хозяев существует только для бесхозяйственного расходования средств?

И. КИРЬЯН,
секретарь райкома ВКП(б)

Приморский край.

Уважаемый Крокодил!

Не приходилось ли тебе встречаться где-нибудь в Москве с директором Ульяновского педагогического института тов. Козыревым? Нам, работникам института, редко улыбается счастье видеться с ним. Весьма солидную часть времени тов. Козырев проводит в отпуску (трудовом и творческом) и в командировках. За всё время работы в институте — два года и три с половиной месяца — он отсутствовал около года.

Нельзя ли, дорогой Крокодил, командировать тов. Козырева наконец на место его постоянной работы? Разумеется, без выплаты ему командировочных и суточных!

И. РОМАНОВ,
заместитель директора по научной и учебной работе

г. Ульяновск.

Дорогой Крокодил!

Шесть лет назад совхоз Хомутовский рассеял недалеко от станции под открытым небом сельскохозяйственные машины и... забыл про них. Деревянные брусья клеверотёрок, ещё не видя клевера, сгнили, а некоторые их заманчивые детали растащили ребята.

Три лесопосадочные машины были посеяны в кюветах.

Из всего этого вытекает вопрос: если директор совхоза Никонов шесть лет назад посеял сельхозинвентарь, то когда же наконец он пожнёт плоды своих необыкновенных агромероприятий?

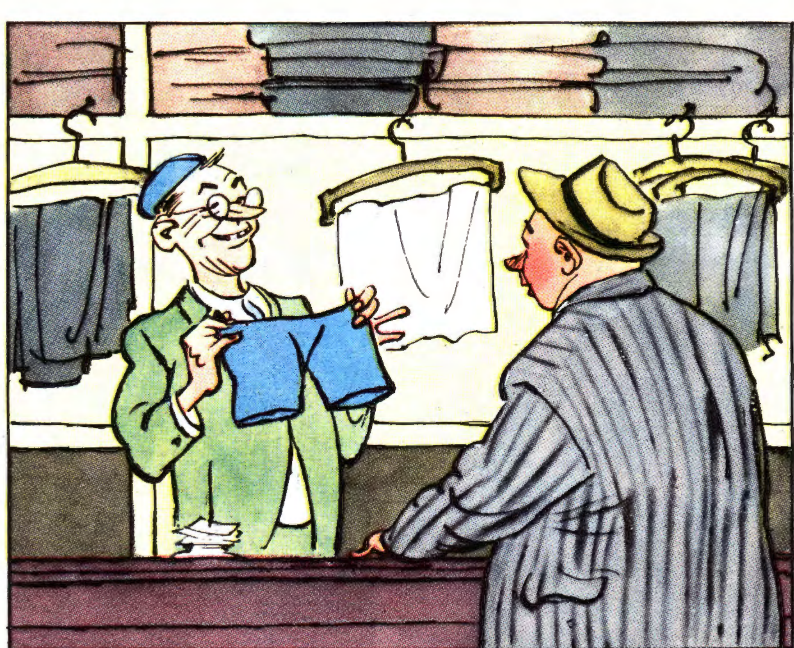
В. ТЕПЛЯКОВ

ст. Хомутово,
Ново-Деревеньковского района,
Орловской области.

УГАДАЙ-КА!

(УГОЛОК ЧИТАТЕЛЬСКОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Рис. И. СЕМЕНОВА

Просим читателей прислать подпись к этому рисунку. Лучшая подпись будет опубликована.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ)

◇ Гражданка М. Ф. Белова обратилась в Крокодил с жалобой на гражданина Антонова, уклонявшегося от уплаты алиментов.

В настоящее время ответчик разыскан, алименты с него удерживаются. На содержание ребёнка уже переведено 6 334 рубля.

◇ Налоговый агент Белёвского райфинотдела (Тульская область) Исаев В. П. за взятки освобождал кустарей от уплаты налогов, вымогал у колхознников деньги. Об этом стало известно Крокодилу.

Исаев привлечён к уголовной ответственности.

◇ Директор Петрнневской семилетней школы (Вологодская область) Давыдов В. Н. систематически пьянствовал, присванвал школьные средства, развалнл работу школы. Вместе с ним пьянствовал председатель колхоза Рубушков.

После вмешательства Крокодила Давыдов с работы снят, на него наложено партийное взыскание.

Рубушков решением общего собрания колхозников от работы освобождён.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 485. Подписано к печати 12/VI 1952 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04418. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1572. Тираж 300.000 экз.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

БОННСКИЙ ЗАКРОЙЩИК

Бумага всё стерпит, чего нельзя сказать о немецком народе.